
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.4

DOI: 10.17853/1994-5639-2020-8-108-134

РИСКИ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ: СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Г. Ф. Ромашкина¹, Р. Р. Хузяхметов²

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

E-mail: ¹gr136@mail.ru; ²r_o_m_a_n_14@mail.ru

Аннотация. *Введение.* Цифровая трансформация общества неизбежно сопровождается множеством проблем и сложностей. В условиях всеохватывающего перехода деятельности в онлайн-формат важно проанализировать, как родители несовершеннолетних оценивают интернет-риски для своих детей и самих себя.

Цель исследования – выявление восприятия родителями основных тенденций и структурных особенностей интернет-зависимости детей.

Методология, методы и методики. Исследование опирается на результаты массового опроса. Опрос проводился в 2019 г. по многоступенчатой выборке, репрезентативной для взрослого населения Тюменской области по гендеру, возрасту, типу поселения. В статье реализован подробный социолого-статистический анализ рисков интернет-активности детей на основании самооценок всех опрошенных (с выделением социально-демографических групп), оценок рисков для детей, по мнению родителей. Структура подвыборки «Родители» по полу и типу поселения пропорциональна структуре основной выборки. В рубрику «Дети» вошли несовершеннолетние дети респондентов. Риск интернет-зависимости был включен в структуру 12 интернет-рисков и рассмотрен на основе 4 компонент (поведенческой, когнитивной, социальной и аффективной). В процессе анализа данных применялись оценки степени согласованности альфа Кронбаха, индексный метод, коэффициент ранговой корреляции Спирмена, оценки по критерию согласия Пирсона χ^2 , F-критерий для сравнения средних, классификации случаев и метод триангуляции.

Результаты. Интернет-трансформацию общества можно считать свершившимся фактом, поскольку подавляющее число людей самых разных возрастов проводит в Сети несколько часов ежедневно. Каждый четвертый из опрошенных родителей отмечает, что его несовершеннолетние дети пользуются Интернетом от 3 до 4 часов в день. Амбивалентность отношения родителей к интернет-зависимости проявляется в высоких оценках ее ри-

ска для детей и молодежи «в целом» и существенно более низких – для своих детей, причем вне зависимости от того, сколько времени дети проводят в Интернете, есть ли у них друзья вне Сети. Родители четко артикулируют негативные коннотации «в общем» и дают весьма низкие оценки опасностей по направлениям, характеризующим поведение.

Научная новизна. В исследовательский дискурс введены новые эмпирические данные, которые классифицированы по интернет-поведению детей и их родителей, а также отношение последних к такому поведению. Выявлена важная для общества проблема: на фоне деклараций о рисках нефункционального (в ущерб личному общению, играм, движению и иным видам активности) использования Интернета детьми консенсус относительно признаков и опасностей интернет-зависимости в обществе не достигнут.

Практическая значимость. Доказывается слабая артикулированность и амбивалентность восприятия проблемы интернет-зависимости в российском обществе. Показана недостаточная осведомленность родителей по поводу ее опасности для детей.

Ключевые слова: цифровизация, молодежь, дети, родители, риск, интернет-зависимость, поведение, онлайн-активность, поколение.

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 19-29-07131 «Моделирование и измерение человеческого капитала и формы его проявления в контексте цифровизации экономики: ресурсы, потоки, институты»). Авторы признательны анонимным рецензентам за внимательное прочтение материалов, помощь в улучшении представления результатов исследований, а также коллективу социологов Тюменского государственного университета, которые совместно с авторами проводили эмпирические исследования, послужившие основой для данной статьи, и в первую очередь В. А. Давыденко и Е. В. Андриановой.

Для цитирования: Ромашкина Г. Ф., Хузяхметов Р. Р. Риски интернет-зависимости: структура и особенности восприятия // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 8. С. 108–134. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-8-108-134

THE RISKS OF INTERNET ADDICTION: STRUCTURE AND CHARACTERISTICS OF PERCEPTION

G. F. Romashkina¹, R. R. Khuziakmetov²

University of Tyumen, Tyumen, Russia.

E-mail: ¹ gr136@mail.ru; ² r_o_m_a_n_14@mail.ru

Abstract. *Introduction.* Nowadays, digital transformation of society is inevitably accompanied by a set of problems and challenges. Under universal transition to an online format, it is important to analyse how parents assess internet risks for their children and themselves.

The *aim* of the present research is to reveal parents' perceptions of main trends and structural features of children internet addiction.

Methodology and research methods. The research is based on the results of a mass survey. The survey was conducted in 2019 according to a multi-stage sample (by gender, age, type of settlement) consisted of the adult population of the Tyumen region. The authors carried out a detailed socio-statistical analysis of internet risks for children based on the self-assessments of all respondents (with the identification of socio-demographic groups), risk assessments for children, according to parents. The structure of "Parents" sub-sample on gender and settlement type is proportional to the structure of the main sample. Under the heading "Children", the authors mean minor children of respondents. The risk of internet addiction is included in the structure of 12 internet risks and examined on the basis of 4 components (behavioural, cognitive, social and affective). In the course of analysis, Alpha Cronbach consistency ratings, index method, Spearman's rank correlation coefficients, Pearson's Goodness-of-Fit Test, F-Test for equality of several means, case classification and triangulation method were applied.

Results. The internet transformation of society can be considered an accomplished fact, since the vast majority of people of all ages spend hours online daily. Every fourth respondent notes that their children use the internet from three to four hours a day. The ambivalence of parental attitudes toward internet addiction is manifested in high estimates of its risk for children and young people "in general", and in significantly lower estimates for own children, regardless of the amount of time children spend on the internet, whether they have friends outside the network. Parents clearly articulate negative connotations "in general", but at the same time give very low estimates of dangers in behavioural variables.

Scientific novelty. New empirical data, classified on the basis of internet behaviour of children and their parents, as well as parental attitude to this behaviour, have been introduced into the research discourse. An important social issue is identified: in spite of parents' declarations about the risks of dysfunctional (to the detriment of personal interaction, outdoor games and other kinds of activities) internet use by children, the consensus on the features and dangers of internet addiction in society has not been reached yet.

Practical significance. The weak articulation and ambivalence of internet addiction problem perception in Russian society is being proved. Insufficient parental awareness of potential internet addiction dangers for children is demonstrated.

Keywords: digitalisation, young people, children, internet risks, internet addiction, internet behaviour, online activity, generation.

Acknowledgements. The present research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No. 19-29-07131 "Modelling and Measurement of Human Capital and Its Forms in the Context of Economy Digitalisation: Resources, Flows, and Institutions". The authors are grateful to the anonymous reviewers for their careful reading and valuable advice on reporting

research results in a more thorough and comprehensive way. The authors also sincerely thank the University of Tyumen sociologists' team, especially V. A. Davydenko and E. V. Andrianova, for collaborative effort when conducting empirical studies, which formed the basis for the current research paper.

For citation: Romashkina G. F., Khuziakhmetov R. R. The risks of internet addiction: Structure and characteristics of perception. *The Education and Science Journal*. 2020; 22 (8): 108–134. DOI: 10.17853/1994-5639-2020-8-108-134

Введение

Настоящая статья создана на основе данных, которые были получены по итогам массового опроса, проведенного весной 2019 г. Результаты мы анализировали позже, и в процессе подготовки данной работы проблема, поставленная нами в исследовании, из проблемы личного, добровольного выбора превратилась в глобальную, обусловленную жесточайшей необходимостью. Весной 2019 г. мы еще не представляли, с каким вызовом мир столкнется всего через полгода. В условиях пандемии COVID-19 люди в различных странах на длительное время оказались замкнуты в своих домах. В онлайн-формат было переведено не только обучение в школах и вузах, но и самые разные виды деятельности. Сегодня ведутся разговоры о расширении обучения в условиях удаленного доступа, об использовании Интернета во всех аспектах жизни детей и молодежи и после того, как жесткая необходимость в социальной изоляции будет преодолена. Но что произойдет с обществом дальше, если обозначенные в последние 10 лет тенденции будут продолжены до своего логического завершения?

В условиях всеохватывающего перехода деятельности в онлайн-формат представляется важным проанализировать, как родители несовершеннолетних оценивают риски сети Интернет для своих детей. На наш взгляд, актуальность поставленной задачи была высока и до событий, связанных с противостоянием пандемии COVID-19. Бурное развитие цифровых технологий и повышение их доступности преобразило не только мировую экономику, но и повседневную жизнь людей, сделав ее, без сомнения, более комфортной. Расширились возможности для развития человеческого капитала, который является основой конкурентного преимущества в экономике знаний [1]. Для нас важно отметить междисциплинарный контекст изучения человеческого капитала в условиях цифровизации, поскольку только усилия ученых различных направлений могут раскрыть современные противоречивые и быстро меняющиеся процессы [2]. В данной работе междисциплинарность заключается в том, что проблема, традиционно находящаяся в фокусе внимания психологии, раскрывается в социологическом дискурсе.

Процессы интернетизации противоречивы, поскольку имеют как позитивную, так и негативную коннотацию. С одной стороны, в неопределенном мире Интернет может показаться безопасным, предсказуемым пространством, которое способствует установлению легких и свободных от риска отношений с незнакомцами, помогает выражать мысли и чувства

без существенных ограничений. В силу этих и многих других причин число пользователей Интернета (мы будем употреблять и термин «Сеть») постоянно увеличивается, но также растет и количество часов, которое люди ежедневно проводят в Сети. С другой стороны, закономерно возникает вопрос о том, не является ли сегодняшнее пристрастие к Интернету чрезмерным, неконтролируемым, наносящим вред.

Еще в 2017 г. Р. Лонгстрит и С. Брукс отмечали, что в мире насчитывается более 4 млрд постоянных пользователей Интернета и примерно 6% из них имеют по крайней мере базовый уровень интернет-зависимости [3]. Особую значимость эта тема обретает в отношении современных детей в силу специфики их образа жизни. С самого раннего детства они окружены информационными технологиями, влияние которых оказывается достаточно сильным. Зачастую Сеть не только становится средством поиска информации и обучения, но и заменяет детям социальное взаимодействие, выступает подчас единственным способом развлечения. Конечно, не всегда цифровые технологии негативно влияют на пользователей, и ошибкой будет рассмотрение этой проблемы только с одной стороны, ведь, например, онлайн-общение может как отвлекать от дел, так и расширять возможности в зависимости от причины и особенностей использования [4].

Несмотря на то, что нет единого понимания того, с какой границы, черты или проявления следует «диагностировать» интернет-зависимость, само ее существование, по мнению Е. Маццони и соавторов, не подвергается сомнению [5]. Изучая интернет-аддикцию, Ф. Райдинг и Л. Кайе, М. Стада, З. Деметровикс и соавторы отметили устойчивый социальный консенсус относительно пагубного влияния избыточного использования Интернета на социальные навыки несовершеннолетних (отчужденность, ослабление семейных связей, ухудшение взаимодействия со сверстниками) [6], на их физическое (нарушение питания, недостаток сна, потеря циклов дня и ночи) [7] и психологическое (чувство одиночества, тревожность, депрессия) здоровье [8].

Понимание обоснованной и безопасной интернет-активности через достижение индивидом желаемой цели в течение определенного времени без умственного и/или поведенческого дискомфорта практически не вызывает противоречий [9]. Избыточное же использование Сети описывается по-разному (в основном через термины «патологическое», «нефункциональное», «проблемное», «навязчивое») и в любом случае связывается с наличием конкретных проблем [10–12]. Так, О. Орсал с соавторами выделили основной компонент интернет-зависимости – неконтролируемое желание использовать Интернет, сопровождающееся обесцениванием событий офлайн-жизни, сильной нервозностью и агрессией в случае попыток ограничения времени нахождения в Сети, а также постепенным ухудшением социальных и внутрисемейных отношений [13]. Таким образом, существует объективное противоречие: с конца XX в. представителями самых разных социальных наук было собрано большое количество эмпирических данных, описывающих особенности интернет-зависимости, но все же конструкт патологического интернет-поведения остается неоднозначным. В первую очередь по-

тому, что исследования часто строятся по принципу дихотомии: реальный или виртуальный, онлайн или офлайн, учеба или развлечения, – который основан на традиционном конвенциональном предположении о том, как должно и правильно. По мнению Н. Джонсона и Н. Кейна, это предположение нуждается в обосновании [14].

Авторское понимание интернет-зависимости было сформировано с учетом вышеизложенных идей и основывается на поведенческих, когнитивных, социальных и аффективных составляющих. Особенностью данной работы является то, что онлайн-активность несовершеннолетних представителей интернет-поколения изучалась через оценки их родителей, в силу возраста тоже, вероятно, активных пользователей Сети. Максимально подверженными риску интернет-зависимости дети признавались, когда выполнялись хотя бы три из четырех приведенных критериев:

- 1) время, проведенное ими в Интернете, составляло 6 и более часов;
- 2) они не могли отказаться от использования Сети более чем на один день без риска конфликта;
- 3) дети имели больше виртуальных друзей, чем реальных;
- 4) они признавались интернет-зависимыми своими родителями.

Таким образом, мы стремились понять, существует ли в условиях цифровой трансформации общества проблема конфликта поколений по отношению к восприятию интернет-поведения. Новизна авторских результатов заключается в том, что в исследовательский дискурс введены новые эмпирические данные, которые классифицированы по основанию интернет-поведения детей и их родителей, а также отношению последних к такому поведению. Кроме того, обосновывается, что представления о степени интернет-зависимости детей существенно занижены и родители недооценивают реальное положение дел. Выявлена важная для общества проблема: существует декларативное знание о рисках нефункционального (в ущерб личному общению, играм, движению и иным видам активности) использования Интернета детьми, но консенсус по поводу признаков и опасностей интернет-зависимости в обществе не достигнут. Следовательно, необходимо осуществление специальных усилий для формирования процедурного знания о том, какая тактика поведения родителей в действительности поможет снижать риски Интернета для их детей.

Обзор литературы

А. Леонтьевым еще в 1972 г. было предложено понятие функционального органа, которое описывало искусственный инструмент, потенциально интегрируемый в деятельность индивида для расширения его биологических возможностей [15]. Можно сказать, что Всемирная сеть – это своеобразный функциональный орган, способный многократно повысить познавательные и коммуникативные возможности человека. Уже к 2012 г. М. Бенвенути и соавторы высказали идею о том, что интернет-технологии могут создавать ситуации обратного инструментализма, то есть объективировать пользователей, регулировать их поведение против воли [16]. Приносит ли Интернет

больше пользы, чем вреда? Пожалуй, в этом и состоит дуализм концептуализации онлайн-поведения. На преодоление этого противоречия направлены усилия многих исследователей.

Почти все известные общие методики оценки интернет-рисков (и риска интернет-зависимости в частности) берут свое начало в работах К. Янг, которая в 1998 г. концептуализировала понятие «расстройство интернет-зависимости» [17]. Для своих исследований она разработала тест интернет-зависимости, состоящий из 20 вопросов, взяв за основу диагностические критерии, заложенные в ранее существовавший опросник предрасположенности к азартным играм. Несмотря на то, что простое заимствование диагностического критерия с изменением формулировки вопросов подверглось критике, К. Янг первой сумела показать, что зависимые от Интернета люди имеют схожие черты с теми, кто склонен к азартным играм, алкоголизму и расстройству питания.

Современные авторы предпочитают рассматривать эти виды зависимости в качестве отдельных и равнозначно серьезных исследовательских объектов. Например, С. Венульо с соавторами изучали «проблемных» представителей социальной среды – азартных игроков, пьющих, дисфункциональных пользователей Интернета и курильщиков, – рассматривая проблему зависимости через призму культурных факторов, влияющих на восприятие индивида [18]. Авторы выявляли пути к культурному пониманию аддиктивного поведения и нашли причины повышения риска развития зависимости у молодых людей (до 20 лет): склонность критиковать устройство общества, недооценка важности социальных связей и социальных норм приличия. Кроме того, предрасположенные к зависимости индивиды чаще абсолютизируют свои убеждения, и их эмоциональные переживания слабо дифференцированы. Я. Нахимова и Г. Ромашкина, изучая социальные установки молодежи на употребление наркотиков, отмечали, что опыт приема наркотических веществ связан с их компенсаторной функцией [19]. Таким образом, прослеживаются общие признаки предрасположенности к наркозависимости и дисфункциональному применению Всемирной сети.

Интегрирование психологического и мотивационного подходов к изучению интернет-зависимости Кардефельта-Винзера заложило основу теории компенсаторного использования Интернета, согласно которой психосоциальное благополучие индивида следует считать основным детерминантом склонности к зависимости. Это позволило сместить исследовательский фокус с анализа и прогнозирования отрицательных последствий чрезмерного увлечения Сетью на рассмотрение взаимосвязи мотивации использования Интернета и социального и психологического состояния индивида [20].

Проведение длительного времени во Всемирной сети рассматривается в качестве копинг-стратегии молодого человека, пытающегося решить жизненные проблемы. Этот тезис подтверждают результаты многих исследований. Например, Н. Эллисон с соавторами пришли к выводу, что американские учащиеся колледжей с низкой самооценкой получают значительную пользу от использования Facebook [21]. Социальная сеть помогает им делать то, что вызывает затруднения в реальной жизни, а именно создавать, под-

держивать и развивать социальный капитал. Джо Хун с соавторами установили взаимосвязь между предрасположенностью к зависимости от смартфона и патологической эмоциональной импульсивностью в трех возрастных группах: 14–18 лет, 19–25 лет, 26–39 лет [22]. Авторы доказали, что риск возникновения зависимости заметно выше у самой младшей группы, представители которой проявляют импульсивность в качестве одной из основных черт личности, что осложняет их социальное взаимодействие и становление во взрослости. В. Джин-Лианг и соавторы на примере китайской молодежи изучили, как влияет снижение удовлетворенности жизнью на склонность к чрезмерному использованию Интернета (общение в социальных сетях и онлайн-игры) [23].

Исследование Е. Ванюшиной и М. Гончаровой свидетельствует о том, что бесконтрольное онлайн-поведение негативно сказывается на учебной и трудовой деятельности, а также на состоянии здоровья и что интернет-зависимость можно диагностировать у каждого третьего студента [24]. Аудиторию исследования составляли студенты медицинского вуза, и результаты не являются репрезентативными. Для целей нашей работы важно выделение критериев для идентификации интернет-зависимости. Такие студенты считают виртуальное общение более простым и часто предпочитают его реальному. М. Колесниченко и В. Колупаева построили типологию интернет-зависимости через пользовательские предпочтения, выделив навязчивый веб-серфинг (информационную перегрузку), пристрастие к виртуальному общению, игровую зависимость, нефункциональное финансовое поведение (азартные игры, ненужные покупки в интернет-магазинах, участие в интернет-аукционах), тягу к просмотру видеоконтента, киберсексуальную зависимость [25]. И. Хасанова и С. Котова провели подробный обзор российских публикаций, посвященных феномену интернет-зависимости и основанных на результатах психолого-педагогических исследований. Авторы, применяя адаптированные методики К. Янг, показали различные эффекты интернет-зависимого поведения, но только на выборке студенческой молодежи [26].

Отдельное место в исследованиях интернет-зависимости несовершеннолетних занимает проблема их взаимоотношений с родителями, что особенно актуально для нашего исследования. Например, выводы, которые делают в своей статье У. Ким и У. Чанг, свидетельствуют о том, что чаще оказываются интернет-зависимыми дети менее образованных родителей, в то время как для работающих и строящих карьеру взрослых характерна противоположная ситуация [27]. Кроме того, слабая связь с матерью и проблемы в коммуникации с отцом также повышают риск аддиктивного поведения. Р. Сон с соавторами утверждают, что отношения с родителями сильнее влияют на снижение риска интернет-зависимости несовершеннолетних, чем отношения со сверстниками и друзьями, особенно в том случае, когда родители активно участвуют в онлайн-поведении своих детей и контролируют его [28].

Анализ литературы показал пробелы в исследовании интернет-зависимости, которые могут быть частично восполнены результатами, полученными

ми социологическими методами. Изучение общественного мнения позволит раскрыть доминирующие в обществе представления о рисках чрезмерной онлайн-активности и проявлениях интернет-зависимости. Есть основания полагать, что анализ онлайн-поведения детей через суждения их родителей является важным, но недостаточно изученным аспектом данной проблемы. Подобный подход поможет определить направления дальнейшей работы педагогической общественности и социума в целом.

Цель исследования – выявление восприятия родителями основных тенденций и структурных особенностей интернет-зависимости детей.

Изучение восприятия родителями поведения в сети Интернет несовершеннолетних детей имеет важную теоретическую и практическую значимость. Теоретическая заключается во введении в дискурс новых методик, их концептуализации и апробации; практическая – в выявлении важных социальных проблем, влияющих на воспитание детей и молодежи. Учитывая, что дети, молодежь и родители принадлежат к разным поколениям, авторы поставили задачу сопоставления того, как различается отношение представителей разных поколений к поведению во Всемирной сети. Интернет-зависимость помещена в более широкий контекст интернет-поведения, включая представления и коммуникацию в Сети, а также отношение к интернет-рискам для всего общества (через самооценки), молодежи (через оценки и самооценки) и детей (в оценках их родителей). Интернет-риски для детей рассматриваются в оценках их родителей через поведенческую, когнитивную, социальную и аффективную компоненты.

Для достижения поставленной цели нами были сформулированы следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Оценки родителями рисков интернет-зависимости для своих детей могут быть обобщены на основе следующих вопросов:

1. Сколько часов в день в среднем проводят ваши дети в сети Интернет?
2. Считаете ли Вы своих детей интернет-зависимыми?
3. Как Вы считаете, где у Ваших детей больше друзей – в реальной или виртуальной жизни?
4. На какое время Вы могли бы ограничить доступ Ваших детей к Интернету без риска конфликта с ними?

Гипотеза 2. Оценки родителями интернет-рисков в целом и рисков интернет-зависимости в частности могут зависеть от возраста самих родителей.

Гипотеза 3. Возможно, в действительности родители не склонны считать интернет-зависимость рискованным поведением своих детей.

Гипотеза 4. Родители, так же как и их дети, могут подвергаться в Сети различным рискам, в том числе и рискам интернет-зависимости. Риски (по самооценкам родителей), которые могут проявиться в Интернете (собственные риски), статистически связаны с оценками рисков Сети для детей со стороны их родителей (риски детей).

Гипотеза 5. Оценки рисков сети Интернет для молодежи в целом представляются для родителей менее значительными, чем риски для их собственных детей.

Гипотеза 6. Родители выше оценивают интернет-риски для своих детей, если они отрицательно относятся к их онлайн-активности. Оценка

родителями опасности интернет-рисков для детей выше среди родителей, более вовлеченных в интернет-коммуникацию.

Гипотеза 7. Риск возникновения интернет-зависимости возрастает в более обеспеченных семьях и в более крупных городах, где цифровые технологии более распространены.

Материалы и методы

В работе анализировались результаты массового опроса, который был проведен на территории Тюменской области в 2019 г. Всего было опрошено 1642 человека в возрасте от 18 до 64 лет, выборка репрезентирует население сел и городов Тюменской области по половозрастной структуре. Структура выборки: 47% – мужчины, 53% – женщины, 33% – сельские, 67% – городские жители. Вопрос-фильтр «Есть ли в Вашей семье несовершеннолетние дети?» позволил нам выделить подвыборку из 743 человек, которую мы обозначили как «Родители». Структура последней по полу и типу поселения пропорциональна структуре основной выборки. Исследовательский фокус был направлен на оценки родителями интернет-поведения своих детей и рисков интернет-зависимости для них. Выделялась также подвыборка молодежи до 35 лет – 666 человек.

Риск интернет-зависимости был изучен на основе четырех индикаторов, из них один числовой – поведенческий, три нечисловых: когнитивный, социальный и аффективный. Применялся метод триангуляции, заключающийся в проверке валидности результатов на основе различных подходов внутри одного социолого-статистического метода. Поэтому некоторые вопросы разбивались на подвопросы. Ниже приведены перечень вопросов (индикаторов), варианты ответа с кодировкой, тип шкалы, доля ответивших в процентах от выборки (в скобках), компоненты, к которым были отнесены соответствующие индикаторы (при наличии). Для числовых вопросов (7, 9–10) указаны меры среднего.

0. *Есть ли в Вашей семье несовершеннолетние дети?* Всего опрошено 1642 человека. 0 – нет (899 человек; 55%); 1 – есть (743 человека; 45%).

1. *Сколько часов в день в среднем проводят Ваши дети в сети Интернет?* Числовая шкала, количество часов. Поведенческая компонента.

2. *Считаете ли Вы своих детей интернет-зависимыми?* 0 – нет (67%); 1 – затрудняюсь ответить (18%); 2 – да (15%). Когнитивная компонента.

3. *На Ваш взгляд, плохо ли быть интернет-зависимыми?* 0 – да (47%); 1 – скорее да (32%); 2 – скорее нет (11%); 3 – не знаю (7%). Номинальная шкала. Если убрать вариант ответа «3 – не знаю», шкала становится порядковой. Когнитивная компонента.

4. *Как Вы считаете, где у Ваших детей больше друзей – в реальной или виртуальной жизни?* 0 – больше в реальной (78%); 1 – затрудняюсь ответить (14%); 2 – больше в виртуальной (8%). Социальная компонента.

5. *На какое время Вы могли бы ограничить доступ Ваших детей к Интернету без риска конфликта с ними?* 0 – на год (15%); 1 – на месяц (19%); 2 – на неделю (30%); 3 – на один день (23%); 4 – они не смогут отказаться от Интернета (13%). Аффективная компонента.

6. Как Вы относитесь к онлайн-активности Ваших детей? 0 – скорее отрицательно (36%); 1 – нейтрально (47%); 2 – скорее положительно (17%). Когнитивная компонента.

7. Оцените, пожалуйста, степень опасности для детей и молодежи сети Интернет по шкале 0–10. Интервальная шкала. Среднее – 6,3, стандартное отклонение – 2,5, мода (наиболее часто встречающийся вариант) – 5, медиана – 6. Социальная компонента.

8.1–8.5. Укажите, пожалуйста, для каких целей и как часто лично Вы применяете сеть Интернет? 0 – никогда не использую; 1 – очень редко, реже чем раз в месяц; 2 – не реже чем раз в месяц; 3 – не реже чем раз в неделю; 4 – ежедневно. Порядковая шкала, пять категорий. Список категорий указан в табл. 1.

9–10. На Ваш взгляд, какие риски существуют в сети Интернет для Вас и Ваших детей?

9.1–9.12. Оценка для Вас лично.

10.1–10.12. Оценка для Ваших детей. По шкале от 0 (нет такого риска) до 10 (максимальный риск). Всего 12 категорий оценки (табл. 2). Когнитивная компонента.

11. Тип населенного пункта. 0 – сельский (33%); 1 – городской (67%).

12. Возраст респондента. 18–24 (12%), 25–34 (29%), 35–44 (24%), 45–54 (18%), 55+ (18%).

13. Какое из следующих высказываний лучше всего характеризует материальное положение Ваше, Вашей семьи сегодня? 0 – денег не хватает на повседневные затраты (6%); 1 – на повседневные затраты уходит вся зарплата (15%); 2 – на повседневные затраты хватает, но покупка одежды затруднительна (20%); 3 – в основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг (32%); 4 – почти на все хватает, но затруднено приобретение квартиры, дачи (20%); 5 – практически ни в чем себе не отказываем (7%).

14. Укажите возраст Ваших детей (первого, второго, третьего и т. д.).

В процессе анализа данных применялись оценки степени согласованности альфа Кронбаха, индексный метод, корреляции г по Спирмену, оценки по критерию согласия Пирсона χ^2 , F-критерий для сравнения средних, классификации случаев, метод триангуляции.

Результаты исследования

Максимальный уровень интернет-зависимости (по оценкам родителей несовершеннолетних детей) соответствует ситуации, когда время проведения в Интернете выше, чем указывают 75% выборки, родители считают своих детей интернет-зависимыми, дети имеют больше друзей в виртуальной жизни, не смогут отказаться от Интернета даже на один день (вопросы 1, 2, 4, 5). Статистический анализ показал несогласованность ответов на приведенные четыре вопроса, коэффициент альфа Кронбаха равен 0,150. Исключение из рассмотрения вопроса 1 повышает значение этого коэффициента до 0,554. Однако и это значение показывает слабую согласованности, поэтому усреднять эти признаки не имело смысла.

Гипотеза 1 была подтверждена, результаты исследования позволяют выявить оценки степени риска интернет-зависимости детей, по мнению их родителей. Однако следует заметить, что родители сильно недооценивают риск интернет-зависимости для своих детей даже по сравнению с данными о количестве часов, которое их дети проводят в Сети ежедневно. Ниже мы покажем эффект недооценки по другим (косвенным) критериям.

Вопросы 8.1–8.5 направлены на выявление направлений и частоты онлайн-активности самих респондентов. Коэффициент альфа Кронбаха для этой группы признаков равен 0,772. Исключение варианта 8.5 (*Для рекламы своих продуктов и услуг*) привело к повышению этого коэффициента до 0,801, что можно считать удовлетворительной степенью согласованности ответов.

Оценку рисков онлайн-поведения лично для респондента (самооценка) и для его детей мы проводили по вопросам 9–10. Итоговая оценка рисков вычислялась как среднее выборочное по 12 вариантам. В результате был получен индекс риска IR1 (самооценка) и IR2 (оценка для своих детей). Анализ пригодности показал, что коэффициент альфа Кронбаха для IR1 равен 0,938, для IR2 – 0,946, что подтверждает максимальный уровень пригодности теста оценки рисков онлайн-поведения для вычисления интегральных индексов.

Для каких целей и как часто сами участники опроса обращаются к Интернету? Согласно нашим данным, подавляющее большинство респондентов ежедневно получают в Сети информацию (68%), общаются и отдыхают (66%), работают (52%) (табл. 1). По любому из рассмотренных 12 направлений (см. табл. 2) наиболее часто встречающийся ответ – ежедневные обращения. В среднем доля тех, кто часто или постоянно пользуется Интернетом для решения самых разнообразных задач, составляет 50–60% от всей выборки. Это очень высокая доля, которая снижается для старшего поколения. Самое значимое различие между поколениями заключается в целях обращения в Сеть. Старшие респонденты реже пользуются Интернетом для отдыха (коэффициент ранговой корреляции r Спирмена = $-0,376^{**}$, здесь и далее применяется коэффициент r Спирмена, поскольку шкалы порядковые; показатели, помеченные **, означают, что ошибка $p < 0,01$; таблица корреляций приведена в приложении). Так, если 89% респондентов до 24 лет практически ежедневно обращаются к Сети для отдыха и общения, то среди респондентов старше 55 лет таковых в нашей выборке 37%. Различия в рабочих, информационных и прочих деловых контактах в Интернете значительно меньше (см. приложение).

Рассмотрим поведенческую компоненту рисков интернет-зависимости детей исходя из оценок родителей (вопрос 1 «*Сколько часов в день в среднем проводят Ваши дети в сети Интернет?*»). Родители в среднем указывают, что их несовершеннолетние дети проводят в Сети 3,3 часа в день. Среди опрошенных 75% оценивают время, которое их дети проводят в Интернете в день, до 4 часов. При этом одна четверть родителей дает оценку «не более 2 часов», другая четверть – «от 2 до 3 часов», еще 25% родителей – «от 3 до 4 часов», последние 25% – «более 4 часов».

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос 8 «Укажите, пожалуйста, для каких целей и как часто лично Вы применяете сеть Интернет?», % от числа опрошенных

Table 1

Distribution of answers to the question 8 “Please, choose for what purposes and how often do you personally use the internet?”, % of respondents

Укажите частоту обращения	Никогда не использую	Очень редко, реже чем раз в месяц	Не реже чем раз в месяц	Не реже чем раз в неделю	Ежедневно
8.1. Для работы	7	6	7	18	52
8.2. Для отдыха и общения	6	4	5	19	66
8.3. Для самообразования и обучения	10	8	12	29	41
8.4. Для получения информации	4	3	6	18	68
8.5. Для рекламы своих продуктов и услуг	61	11	9	7	12

Наиболее часто встречающийся ответ – «2 часа», медиана (ответили не более 50%) – «до 3 часов в день». Однако имеются варианты, когда родители отмечали больше 10 часов, максимальное значение по выборке – 18 часов (2 наблюдения). Статистически эти значения могут быть отнесены к выбросам, их мы исключили из основной выборки. В итоге 60% родителей указали, что их дети проводят в Сети от 1 до 3 часов в день, 34% – более 3 часов в день, 5% – более 8 часов в день.

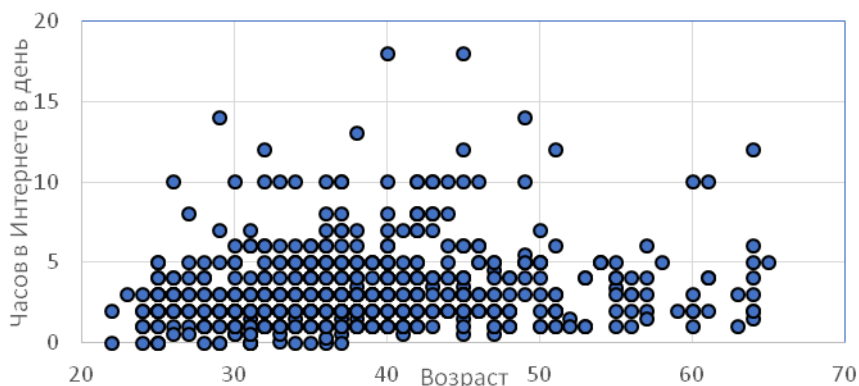

Рис. 1. Разброс данных по вопросу 1 «Сколько часов в день в среднем проводят Ваши дети в сети Интернет?» в зависимости от возраста родителей

Fig. 1. The scatter of data on question 1 “How many hours a day do your children spend on the internet on average?”, depending on the parents’ age

По приведенному выше алгоритму к числу интернет-зависимых детей сами родители отнесли 15% случаев, а 36% скорее отрицательно относятся к интернет-активности своих детей. Кроме того, 8% родителей считают, что у их детей больше друзей в виртуальной жизни, 11% детей без риска конфликта, по мнению родителей, вообще не смогут отказаться от Интернета, 21% смогут отказаться не более чем на один день. На основе перекрестных данных родительских оценок по четырем критериям к числу интернет-зависимых в максимальной степени было отнесено не более 4% несовершеннолетних детей. По трем критериям (высокая степень интернет-зависимости) эта доля достигает 7%. Средняя степень интернет-зависимости затрагивает примерно 12%. Основными критериями, позволяющими классифицировать случаи, оказались поведенческая, когнитивная и аффективная компоненты. Социальная компонента сильно повышает степень изменчивости, слабо согласована с поведенческой и не согласована с когнитивной. Ниже мы более подробно обсудим эти эффекты.

Разброс данных по тому, сколько часов в среднем дети проводят в сети Интернет, в зависимости от возраста респондента представлен на рис. 1. Устойчивой линейной зависимости количества часов в день в среднем, которые проводят дети в сети Интернет, от возраста респондента нет (см. приложение). Рост оценок в зависимости от возраста наблюдается только у респондентов, указавших «более 4 часов». При этом нет принципиальных отличий по возрастным группам родителей, так же как по возрасту детей, кроме самой младшей группы. Но, к сожалению, даже дети до 3 лет, по мнению 2,7% родителей, часто или очень часто играют онлайн. Эти данные находятся за пределами точности нашей выборки (3,5% по одному признаку), поэтому более подробный анализ родительского поведения с младшей возрастной группой нами не проводился, однако мы отметили огромную по своей важности проблему.

Наши выводы были подтверждены непараметрическими тестами. Так, количество часов, проведенных в Интернете в день, коррелирует с возрастом респондента и средним возрастом ребенка, коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,216** и 0,248** соответственно (см. приложение). Имеется статистически значимая положительная связь между родительскими оценками количества часов, которое дети проводят в Сети, временем, на которое они могут ограничить доступ к Сети без конфликта (коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,31**), и оценками опасности интернет-зависимости (коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,239**). Таким образом, мы подтвердили истинность гипотез 1 и 2, но делаем замечание о том, что интернет-риски актуальны как для родителей, так и для детей и молодежи в целом. Зависимость между возрастом родителей и их оценками актуальности интернет-рисков более сложна и не носит линейного характера.

Проверим гипотезу 3 на основе прямого и косвенных вопросов. При ответах на прямой вопрос 3 «*На Ваш взгляд, плохо ли быть интернет-зависимыми?*» 79% опрошенных ответили да или скорее да, то есть в общественном мнении доминирует отрицательное отношение к интернет-зависимости. Однако 11% не склонны так считать. Косвенные оценки интенсивности рисков мы изучали по ответам на вопрос 7 «*Оцените, пожалуйста, степень*

опасности для детей и молодежи сети Интернет по шкале 0–10». В ответах наиболее часто встречается вариант 5, медиана – 6, а 75% ответов находятся ниже оценки 8. То есть примерно половина респондентов не определилась, четверть считает эти опасности незначительными, четверть – скорее значительными. Последнее свидетельствует об амбивалентности родительских оценок опасности для детей Сети в целом и интернет-зависимости в частности. Среднее значение 3 со стандартным отклонением 3,4 по шкале от 0 до 10 соответствует невысоким оценкам опасности. Таким образом, люди склонны считать интернет-зависимость опасностью, но как родители они сильно недооценивают эти риски для своих детей. Гипотеза 3 подтверждена, но с рядом оговорок, которые мы обсудим ниже.

Оценки рисков для молодежи в целом (вопрос 7) равны 6,3, стандартное отклонение 2,5, что значительно выше, чем оценки по каждому из типов риска в отдельности (табл. 2). Респонденты оценивают риски для детей и молодежи в общем выше, чем конкретно для своих детей ($IR_2 = 5,5$ со стандартным отклонением 3,0), а для себя они дают оценки рисков еще ниже ($IR_1 = 3,1$ со стандартным отклонением 2,6). Последнее утверждение полностью опровергает гипотезу 5. Гипотеза 4 подтверждена лишь частично. Родители оценивают собственный риск ниже, чем для своих детей, но они слабо связывают свои риски и риски своих детей. В отношении самих себя наиболее значимым респонденты назвали риск мошенничества в Интернете. Общими являются только риски стать жертвой мошенничества и неэтичной рекламы. Для своих детей родители выделили проблемы «неэтичная реклама» (6,7), «снижение успеваемости», «нарушение режима учебы и отдыха» (6,3), «нарушение общения» (5,6). Риски мошенничества и технологических атак высокие и для детей (5,8 и 5,5 соответственно). Интернет-зависимость находится «в хвосте» рисков (3,0 со стандартным отклонением 3,4). Учитывая, что риски замкнутости, нарушения общения, нарушения режима учебы и отдыха, проблемы со здоровьем родители поместили в лидеры рейтинга, следует еще раз отметить, что в общественном мнении не сформировано понимание того, что такое интернет-зависимость.

Когнитивная компонента, фиксирующая отношение родителей к интернет-активности и интернет-зависимости, наиболее согласована. В целом 17% родителей относятся к онлайн-активности своих детей скорее положительно, 47% – нейтрально, 36% – скорее отрицательно. Формально преобладает нейтральная позиция, но доля отрицательных ответов почти в два раза превышает долю положительных, что сдвигает общие оценки в сторону отрицательной коннотации. Корреляция с ответами на вопрос 7 об опасности Интернета статистически значимая, коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен $-0,209^{**}$. Корреляция с индексами IR_1 , IR_2 равна $-0,142^{**}$ и $-0,207^{**}$. То есть внутри когнитивной компоненты ответы респондентов в целом согласованные. Оценки рисков возрастают, если родители отрицательно относятся к онлайн-активности своих детей, что подтверждает истинность гипотезы 6. Но связь индексов IR_1 и IR_2 между собой не является статистически устойчивой. Таким образом, поскольку наличие статистической связи между оценками рисков для себя и своих детей не подтвердилось, гипотеза 4 была нами опровергнута.

Таблица 2

Оценка выраженности каждого типа рисков по шкале от 0 до 10

Table 2

Assessment of each risk type severity on a scale from 0 to 10

Типы риска		Среднее	Стандартное отклонение	Среднее	Стандартное отклонение
Степень опасности сети Интернет для детей и молодежи (вопрос 7)		6,3	2,5	–	–
Риски в сети Интернет		Оценки для самих респондентов (вопрос 9)		Оценки для детей* (вопрос 10)	
1	Интернет-зависимость	3,4	3,4	3,0	3,4
2	Травля, буллинг	2,3	3,1	6,3	3,3
3	Угроза суицида	1,9	3,1	4,6	3,7
4	Угроза экстремизма, агрессии	2,4	3,2	4,5	3,9
5	Угрозы для морали и нравственности	2,8	3,3	4,8	3,7
6	Технологические угрозы (вирусные атаки и пр.)	4,4	3,6	5,5	3,5
7	Мошенничество	5,2	3,7	5,8	3,7
8	Неэтичная реклама	4,5	3,8	6,7	3,5
9	Нарушение режима учебы и отдыха	2,1	3,4	6,3	3,7
10	Снижение успеваемости	1,5	3,3	6,3	3,4
11	Замкнутость, нарушения общения	2,2	3,1	5,6	3,6
12	Проблемы со здоровьем	3,4	3,4	4,6	3,8
Средний индекс (IR1, IR2)		3,1	2,6	5,5	3,0

Примечания. Полу жирным шрифтом выделены уровни, превышающие середину (5), то есть более значимые, по мнению респондентов; * – подвыборка родителей, то есть на вопрос 10 отвечали только респонденты, имеющие несовершеннолетних детей.

15% родителей считают своих детей интернет-зависимыми, 67% так не считают, а оставшиеся 18% затрудняются с ответом. Средние оценки числа часов, проводимых детьми в Интернете, статистически не различаются в подвыборках родителей по признаку отношения к онлайн-активности своих детей: $F = 0,65$ ($p = 0,06$), коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен $0,087^*$ ($p < 0,05$), то есть связь статистически устойчива, но очень слабая. Оценки интернет-рисков в целом, конкретных рисков для себя со стороны родителей, конкретных рисков для собственных детей не согласуются с количеством часов, которое, по мнению родителей, их дети проводят в Сети. Другими словами, поведенческая компонента статистически согласована только с частью когнитивных компонент. Выявление при-

чин такого отчетливого противоречия мы считаем важной задачей наших дальнейших исследований. Можно предположить, что, несмотря на декларативное знание об опасности чрезмерного нахождения в Сети для детей и подростков, нет знания процедурного. На основании приведенных данных следует заключить, что в обществе не сформирован консенсус относительно того, когда и как возникает интернет-зависимость, является ли она реальной опасностью для детей.

Мнение родителей о том, где у детей больше друзей – в реальной жизни или в Интернете, – показывает нам социальную компоненту эффектов онлайн-активности. В частности, 8% родителей считают, что у их детей больше друзей в виртуальной жизни, затруднились ответить на этот вопрос 14%. В то же время, по мнению 13% респондентов, их дети не сумеют отказаться от Интернета ни на один день, еще 23% ответили, что они смогли бы ограничить доступ детей к Сети не более чем на один день без риска конфликта с ними. Эта компонента статистически устойчиво и значимо различается поколения родителей и их детей. Указанный вывод также подтверждается оценками по критерию согласия Пирсона χ^2 , коэффициент ранговой корреляции Спирмена равен 0,137** и 0,345** (рис. 2 и приложение). Указанные эффекты являются статистически устойчивыми, но не сильными.

Рис. 2. Мнение родителей относительно интернет-поведения их детей, % от числа опрошенных родителей, χ^2 Пирсона и оценки вероятности (p) отсутствия связи между соответствующим признаком и возрастом респондента

Fig. 2. Parents' opinion on their children's internet behaviour in % of the number of parents surveyed, Pierson's χ^2 and the probability (p) of the absence of a link between the corresponding attribute and the respondent's age

Когнитивная компонента статистически связана с социальной (вопрос 4) и аффективной (вопрос 5) (см. приложение). Но сила связи невысокая, что является следствием большого разброса данных. Родители недооценивают саму опасность интернет-зависимости. По мере увеличения времени, которое проводят дети в сети Интернет, возрастают (хоть и с существенным отстава-

нием) аффективная и когнитивная компоненты. Самый инерционный характер носит социальная компонента онлайн-активности. Непараметрические оценки, проведенные на основе оценки по критерию согласия Пирсона χ^2 , показали, что с возрастом респондента статистически устойчиво связаны только две компоненты оценки интернет-зависимости – аффективная и одна из когнитивных. Отношение к интернет-зависимости в целом и к онлайн-активности своего ребенка статистически не связано с возрастом самих родителей.

Самооценки материального положения респондентов очень слабо связаны со всеми компонентами оценки рисков интернет-зависимости как для себя, так и для своих детей. Чем более обеспечены респонденты, тем чаще они сами обращаются к Сети. Тип населенного пункта значительно сильнее связан с когнитивными компонентами оценки рисков интернет-зависимости. Таким образом, мы частично подтвердили гипотезу 7.

Обсуждение результатов

В данной работе был проведен анализ уровня интернет-зависимости взрослых и детей. Респонденты оценивали интернет-риски для себя, для своих детей, проблемы интернет-активности молодежи в целом.

Подавляющее большинство респондентов ежедневно обращается к Интернету с различными целями и проводит в Сети длительное время. Несмотря на связь с возрастом части косвенных оценок интернет-зависимости, нам не удалось обнаружить очевидных межпоколенческих различий в структуре интернет-поведения и оценках интернет-рисков. Конфликт поколений по отношению к интернет-активности, который мы предполагали в ходе подготовки статьи, не был выявлен. Можно выделить только, что молодежь гораздо чаще, чем старшее поколение, пользуется Интернетом для общения и отдыха.

Каждый четвертый из опрошенных родителей отмечает, что его дети проводят в Сети от 3 до 4 часов. Много это или мало? Проблемам со здоровьем и психикой детей, часто обращающихся к Интернету, посвящено достаточное количество публикаций. Например, В. Аггер весьма убедительно демонстрирует, что длительная онлайн-активность ставит под угрозу возможность здорового психосоциального развития детей и повышает риск возникновения поведенческих проблем [11]. Способность детей в возрасте 10–15 лет устанавливать и поддерживать отношения и развивать адекватные социальные навыки может не сформироваться в необходимой мере, если они проводят в Интернете более 3 часов в день.

Результаты исследования подтвердили, что существенной социальной опасностью для семей является недооценка проблемы интернет-зависимости детей. В целом в обществе принято полагать, что интернет-зависимость – это опасность. Считают своих детей интернет-зависимыми 15% родителей, еще 18% затрудняются с ответом. Но взрослые в первую очередь опасаются внешних угроз в Сети, таких как мошенничество, неэтичная реклама, буллинг и т. д. Интернет-зависимость, по мнению респондентов, для их детей не столь опасна. От возраста родителей обнаруженные тенденции зависят весьма слабо.

Вызывало тревогу фактическое опровержение гипотезы 5 и первой части гипотезы 4. К сожалению, декларативное знание опасности интернет-зависимости не переходит в процедурное. Оценки рисков сети Интернет для молодежи в целом представляются для родителей существенно более значимыми, чем риски для их собственных детей. Риск интернет-зависимости в ответах респондентов повышается, если сами родители отрицательно относятся к интернет-активности. При этом аудитория, более вовлеченная в интернет-коммуникацию, не отличается от всей выборки. Более молодые участники опроса, больше времени проводящие в Интернете для самообразования и обучения, оценивают риски интернет-зависимости и интернет-активности в целом ниже. Однако связь не является линейной. Здесь может проявляться интернет-зависимость во втором поколении, но эту проблему необходимо изучать дополнительно. Заметим, что возможна и обратная связь, когда возникновение отчетливых негативных последствий чрезмерной интернет-активности детей приводит к отрицательному отношению к интернет-активности в целом.

Известны мнения, что интернет-зависимость в большей степени распространена в обеспеченных семьях, поскольку в них дети имеют больший доступ к цифровым технологиям. Действительно, согласно теории диффузии инноваций, различия в уровне дохода могут влиять на особенности использования Интернета, поскольку финансовое состояние коррелирует со скоростью освоения нововведений, а также, очевидно, влияет на физическую доступность новых технологий [29]. Однако можно найти статьи, ставящие это под сомнение.

Е. Х. Йаан изучал несовершеннолетних (средний возраст – 15 лет), которые вынуждены работать в силу низкой материальной обеспеченности своих родителей [30]. Как оказалось, эти дети также демонстрировали высокую зависимость от Интернета и смартфона, которую автор объяснял тем, что ввиду усталости от работы они предпочитают тратить свободное время на отдых и развлечения в Сети. Кроме того, аддиктивное поведение менее выражено у детей, находящихся в хороших отношениях со своими наставниками. Возможны и другие объяснительные модели. Интернет-зависимость несовершеннолетних и связанные с ней конкретные риски: психологическая, моральная, физическая уязвимость – могут характеризовать педагогическую заброшенность детей. Как пишут Н. Церковникова и соавторы, внутрисемейные отношения и психолого-педагогическая среда образовательных учреждений влияют на риск формирования интернет-зависимости у подростков [31]. Аддиктивное поведение реже наблюдается в тех семьях, где родители проводят с детьми профилактические беседы, информируя их о возможностях безопасного использования Интернета. Кроме того, нарушения детско-родительских отношений (конфликты, отсутствие доверия и др.) служат благодатной почвой для развития интернет-зависимости.

Наши результаты показали, что распространение Интернета достигло такой степени, что в городах интенсивность его использования уже не связана с материальной обеспеченностью семьи. Члены обеспеченных и необеспеченных семей одинаково оценивают риски Интернета, опасности

интернет-зависимости и чрезмерного нахождения в Сети. Различие в оценках присутствует у сельских и городских жителей, поскольку доступность интернет-коммуникаций в сельских территориях не всегда достаточна.

Заключение

Интернет-трансформацию в нашем обществе можно считать свершившимся фактом. Подавляющее большинство людей самых разных возрастов проводят в Сети многие часы. Интернет-риски для детей и молодежи сегодня носят всеобщий характер, а менее подвержены им только те, кто по чисто техническим причинам имеет ограниченный доступ к Сети. В основной массе родители не определились, видят ли они потенциальную угрозу в интернет-активности своих детей. Признавая высокую опасность чрезмерного нахождения в Сети для детей (декларативное знание), родители намного ниже оценивают возможность того, что они сами или их дети подвергнутся интернет-рискам. Социально-экономические внешние риски родители ставят на первое место, далее со значительным отставанием идут моральные и социально-психологические проблемы.

Поведение в сети Интернет несовершеннолетних может быть изучено через мнение родителей. Однако четких межпоколенческих различий по всем компонентам оценок интернет-рисков мы не смогли обнаружить. Имеющаяся связь не является линейной и однонаправленной. Скорее всего, здесь проявляется совместное действие различных групп факторов.

Практические результаты исследования дают основания выделить слабую артикулированность и амбивалентность восприятия проблемы интернет-зависимости в российском обществе. Представляется, что на этот феномен следует обратить особое внимание в практической воспитательной работе. Родители слишком часто беспечно относятся к опасности неконтролируемого и рискованного поведения детей в сети Интернет. Они четко артикулируют негативные коннотации «в общем» и дают весьма низкие оценки этих опасностей по направлениям, характеризующим поведение (как свое, так и своих детей). Родителям опасными представляются скорее угрозы «извне» (мошенничество, неэтичная реклама, травля, буллинг). Недооценка родителями таких рисков, как снижение успеваемости, изменения в поведении ребенка и проблемы со здоровьем, связанные напрямую с тем, что их дети слишком много времени проводят в сети Интернет, также представляется нам важной проблемой.

Ограничения исследования заключаются в том, что онлайн-поведение детей рассматривается через оценки родителей. Поэтому мы применяли различные косвенные методики, встроив феномен интернет-зависимости в широкий контекст рисков интернет-активности. Возможность сопоставления родительских оценок и самооценок самих детей позволила бы значительно углубить наши представления о рисках дальнейшей эволюции всеобщей интернетизации общества для развития человеческого капитала. Также представляется важным более подробно изучить феномен интернет-зависимости во втором поколении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Andryukhina L., Dorozhkin E., Kislov A., Senognoeva N., Kolobkov P. Growth of Creative Capital and Human Perspectives under the Conditions of Globalisation // Space and Culture, India. 2020. № 7 (4). P. 83–91. Available from: <https://spaceandculture.in/index.php/spaceandculture/article/view/633> (date of access: 17.06.2020). DOI: 10.20896/saci.v7i4.633
2. Давыденко В. А., Андрианова Е. В., Ромашкина Г. Ф., Хузяхметов Р. Р. Междисциплинарный контекст изучения человеческого капитала. Программа исследований // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. № 5 (20). С. 30–51. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51
3. Longstreet P., Brooks S. Life satisfaction: A key to managing internet & social media addiction // Technology in society. 2017. № 50. P. 73–77. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.05.003
4. Kiseleva N. I., Dorozhkin E. M., Kislov A. G., Ryazanova E. L., Galushkin A. A., Koinova-Zoellner J. Philosophical analysis of information and communication environment // European Journal of Science and Theology. 2018. № 14 (6). P. 115–124. Available from: <http://www.ejst.tuiasi.ro/issue14.html> (date of access: 17.06.2020).
5. Mazzoni E., Baiocco L., Cannata D., Dimas I. Is Internet the cherry on top or a crutch? Offline social support as moderator of the outcomes of online social support on Problematic Internet Use // Computers in Human Behavior. 2016. № 56. P. 369–374. DOI: 10.1016/j.chb.2015.11.032
6. Ryding F., Kaye L. “Internet addiction”: A conceptual Minefield // International Journal of Mental Health and Addiction. 2018. № 16 (1). P. 225–232. DOI: 10.1007/s11469-017-9811-6
7. Spada M. M. An overview of problematic internet use // Addictive Behaviors. 2014. № 39 (1). P. 3–6. DOI: 10.1016/j.addbeh.2013.09.007
8. Demetrovics Z., Szeredi B., Rózsa S. The three-factor model of Internet-addiction: The development of the problematic Internet use questionnaire // Behavior Research Methods. 2008. № 40 (2). P. 563–574. DOI: 10.3758/BRM.40.2.563
9. Davis R. A. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use // Computers in human behavior. 2001. Vol. 17, № 2. P. 187–195. DOI: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8
10. Wang T. H., Cheng H. Y. Problematic Internet use among elementary school students: prevalence and risk factors // Information, Communication & Society. 2019. № 22 (14). P. 1–22. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369118X.2019.1645192> (date of access: 17.06.2020). DOI: 10.1080/1369118X.2019.1645192
11. Agger B. iTime: Labor and life in a smartphone era // Time & Society. 2011. № 20 (1). P. 119–136. DOI: 10.1177/0961463X10380730
12. Hygen B. W., Zahl-Thanem T., Wichstrøm L., Belsky J., Stenseng F., Kvande M. N., Skalicka V. Time Spent Gaming and Social Competence in Children: Reciprocal Effects Across Childhood // Child Development. 2019. № 91 (3). P. 1–15. DOI: 10.1111/cdev.13243

13. Örsal Özgül, Örsal Özlem, Unsal Al., Ozalp S. Evaluation of internet addiction and depression among university students // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013. № 82. P. 445–454. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.291
14. Johnson N., Keane H. Internet addiction? Temporality and life online in the networked society // *Time and Society*. 2003. № 26 (3). P. 1–19. DOI: 10.1177/0961463X15577279
15. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность [Электрон. ресурс]. Москва: Политиздат, 1975. 130 с. Режим доступа: <https://marxists.catbull.com/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/deyatelnost-soznyanie-lichnost.pdf> (дата обращения: 17.06.2020).
16. Benvenuti M., Mazzoni E., Piobbico G. Being Online in Emerging Adulthood: Between Problematic or Functional Use of the Internet // *Internet and Technology Addiction*. 2019. Ch. 32. P. 573–593. DOI: 10.4018/978-1-5225-8900-6.ch032
17. Young K. S. Internet addiction: the emergence of a new clinical disorder // *CyberPsychology & Behavior*. 1998. Vol. 1. № 3. P. 237–244. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.237
18. Venuleo C., Rollo S., Marinaci T., Calogiuri S. Towards a cultural understanding of addictive behaviors. The image of the social environment among problem gamblers, drinkers, internet users and smokers // *Addiction Research & Theory*. 2016. № 24 (4). P. 274–287. DOI: 10.3109/16066359.2015.1126257
19. Нахимова Я. Н., Ромашкина Г. Ф. Социальные установки молодежи на употребление наркотиков и профилактика наркомании // *Образование и наука*. 2017. № 19 (4). С. 138–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-6-138-160
20. Kardefelt-Winther D. The moderating role of psychosocial wellbeing on the relationship between escapism and excessive online gaming // *Computing Human Behavior*. 2014. № 38. P. 68–74. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.020
21. Ellison N. B., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students’ use of online social network sites // *Journal of computer-mediated communication*. 2007. Vol. 12, № 4. P. 1143–1168. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x
22. Hyun-sic J., Euihyeon N., Kim D.-J. The relationship between smartphone addiction predisposition and impulsivity among Korean smartphone users // *Addiction Research & Theory*. 2017. № 26 (1). P. 77–84. DOI: 10.1080/16066359.2017.1312356
23. Jin-Liang W., Gaskin J., Hai-Zhen W., Dong L. Life satisfaction moderates the associations between motives and excessive social networking site usage // *Addiction Research & Theory*. 2016. № 24 (6). P. 450–457. DOI: 10.3109/16066359.2016.1160283
24. Ванюшина Е. А., Гончарова М. А. Современные тенденции формирования интернет-зависимости у студентов медицинского университета // *Бюллетень науки и практики*. 2017. № 3 (16). С. 134–138. DOI: 10.5281/zenodo.399182
25. Колесниченко М. Б., Колупаева В. В. Социальные аспекты интернет-зависимости молодежи // *Вестник Пермского национального-исследо-*

вательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 97–105. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.8

26. Хасанова И. И., Котова С. С. Взаимосвязь интернет-зависимости с совладающим и отклоняющимся поведением учащейся молодежи // Образование и наука. 2017. № 19 (4). С. 146–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168

27. Kim Y. H., Chong Y. S. Parent-child communication, peer-relationship and Internet addiction in children // Journal of the Korean Home Economics Association. 2005. Vol. 43, № 10. P. 103–114. Available from: <http://www.koreascience.or.kr/article/JAKO200507523271795.page> (date of access: 17.06.2020).

28. Soh P. C.-H., Chew K. W., Koay K. Y., & Ang P. H. Parents vs peers' influence on teenagers' Internet addiction and risky online activities // Telematics and Informatics. 2018. № 35 (1). P. 225–236. DOI: 10.1016/j.tele.2017.11.003

29. Serrano-Cinca C., Munoz-Soro J., Brusca I. A Multivariate Study of Internet Use and the Digital Divide // Social Science Quarterly. 2018. № 99 (4). P. 1409–1425. DOI: 10.1111/ssqu.12504

30. Yayan E. H., Dağ Y. S., Düken M. E., Ulutaş, A. Investigation of relationship between smartphone addiction and internet addiction in working children in industry // Journal of Human Sciences. 2019. Vol. 16. № 1. P. 143–154. Available from: <https://www.j-humansciences.com/ojs/index.php/IJHS/article/view/5397> (date of access: 17.06.2020).

31. Tserkovnikova N. G., Shchipanova D. Ye., Uskova B. A., Puzyrev V. V. & Fedotovskih O. A. Psychological Aspects of Internet Addiction of Teenagers // International Journal of Environmental & Science Education. 2016. № 11 (16). P. 8846–8857. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=EJ1118946> (date of access: 17.06.2020).

References

1. Andryukhina L., Dorozhkin E., Kislov A., Senognoeva N., Kolobkov P. Growth of creative capital and human perspectives under the conditions of globalisation. *Space and Culture, India* [Internet]. 2020 [cited 2020 Jun 17]; 7 (4); 83–91. Available from: <https://spaceandculture.in/index.php/spaceandculture/article/view/633> DOI: 10.20896/saci.v7i4.633

2. Davydenko V. A., Andrianova E. V., Romashkina G. F., Khuziakhmetov R. R. Interdisciplinary context of human capital study. Research program. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2019; 5 (20): 30–51. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-4-30-51 (In Russ.)

3. Longstreet P., Brooks S. Life satisfaction: A key to managing internet & social media addiction. *Technology in Society*. 2017; 50: 73–77. DOI: 10.1016/j.techsoc.2017.05.003

4. Kiseleva N. I., Dorozhkin E. M., Kislov A. G., Ryazanova E. L., Galushkin A. A., Koinova-Zoellner J. Philosophical analysis of information and communication environment. *European Journal of Science and Theology* [Internet].

2018 [cited 2020 Jun 17]; 14 (6): 115–124. Available from: <http://www.ejst.tuiasi.ro/issue14.html> (In Russ.)

5. Mazzoni E., Baiocco L., Cannata D., Dimas I. Is internet the cherry on top or a crutch? Offline social support as moderator of the outcomes of on-line social support on Problematic Internet Use. *Computers in Human Behavior*. 2016; 56: 369–374. DOI: 10.1016/j.chb.2015.11.032

6. Ryding F., Kaye L. “Internet addiction”: A conceptual Minefield. *International Journal of Mental Health and Addiction*. 2018; 16 (1): 225–232. DOI: 10.1007/s11469-017-9811-6

7. Spada M. An overview of problematic internet use. *Addictive Behaviors*. 2014; 39 (1): 3–6. DOI: 10.1016/j.addbeh.2013.09.007

8. Demetrovics Z., Szeredi B., & Rózsa S. The three-factor model of Internet-addiction: The development of the Problematic Internet Use Questionnaire. *Behavior Research Methods*. 2008; 40 (2): 563–574. DOI: 10.3758/BRM.40.2.563

9. Davis R. A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*. 2001; 17: 187–195. DOI: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8

10. Wang T. H., Cheng H. Y. Problematic Internet use among elementary school students: Prevalence and risk factors. *Information, Communication & Society [Internet]*. 2019 [cited 2020 Jun 17]; 22 (14): 1–22. Available from: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1369118X.2019.1645192> DOI: 10.1080/1369118X.2019.1645192

11. Agger B. iTime: Labor and life in a smartphone era. *Time & Society*. 2011; 20 (1): 119–136. DOI: 10.1177/0961463X10380730

12. Hygen B. W., Zahl-Thanem T., Wichstrøm L., Belsky J., Stenseng F., Kvande M. N., Skalicka V. Time spent gaming and social competence in children: Reciprocal effects across childhood. *Child Development*. 2019; 91 (3): 1–15. DOI: 10.1111/cdev.13243

13. Örsal Özgül, Örsal Özlem, Unsal Al., Ozalp S. Evaluation of internet addiction and depression among university students. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2013; 82: 445–454. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.291

14. Johnson N., Keane H. Internet addiction? Temporality and life on-line in the networked society. *Time and Society*. 2003; 26 (3): 1–19. DOI: 10.1177/0961463X15577279

15. Leontiev A. N. Deyatel'nost', soznanie, lichnost' = Activity, consciousness, personality [Internet]. Moscow: Publishing House Politizdat; 1975 [cited 2020 Jun 17]. 130 p. Available from: <https://marxists.catbull.com/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/deyatelnost-soznyanie-lichnost.pdf> (In Russ.)

16. Benvenuti M., Mazzoni E., Piobbico G. Being online in emerging adulthood: Between problematic or functional use of the Internet. *Internet and Technology Addiction*. 2019; 32: 573–593. DOI: 10.4018/978-1-5225-8900-6.ch032

17. Young K. S. Internet addiction: The emergence of a new clinical disorder. *CyberPsychology & Behavior*. 1998; 1 (3): 237–244. DOI: 10.1089/cpb.1998.1.237

18. Venuleo C., Rollo S., Marinaci T., Calogiuri S. Towards a cultural understanding of addictive behaviours. The image of the social environment among

problem gamblers, drinkers, internet users and smokers. *Addiction Research & Theory*. 2016; 24 (4): 274–287. DOI: 10.3109/16066359.2015.1126257

19. Nahimova Ya. N., Romashkina G. F. Social attitudes of youth on drug use and drug prevention. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2017; 19 (4): 138–160. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-6-138-160 (In Russ.)

20. Kardefelt-Winther D. The moderating role of psychosocial wellbeing on the relationship between escapism and excessive online gaming. *Computing Human Behavior*. 2014; 38: 68–74. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.020

21. Ellison N., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook “friends”: Social capital and college students’ use of online social network sites. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007; 12 (4): 1143–1168. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00367.x

22. Hyun-sic J., Euihyeon N., Kim D.-J. The relationship between smartphone addiction predisposition and impulsivity among Korean smartphone users. *Addiction Research & Theory*. 2017; 26 (1): 77–84. DOI: 10.1080/16066359.2017.1312356

23. Jin-Liang W., Gaskin J., Hai-Zhen W., Dong L. Life satisfaction moderates the associations between motives and excessive social networking site usage. *Addiction Research & Theory*. 2016; 24 (6): 450–457. DOI: 10.3109/16066359.2016.1160283

24. Vanyushina E. A., Goncharova M. A. Contemporary trends of internet addiction formation among medical university students. *Byulleten’ nauki i praktiki = News Bulletin of Science and Practice*. 2017; 3 (16): 134–138. DOI: 10.5281/zenodo.399182 (In Russ.)

25. Kolesnichenko M. B., Kolupaeva V. V. Social aspects of the young people’s internet addiction. *Vestnik Permskogo nacional’nogo-issledovatel’skogo politekhnicheskogo universiteta. Social’no-ekonomicheskie nauki = Herald of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences*. 2017; 1: 97–105. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.8 (In Russ.)

26. Hasanova I. I., Kotova S. S. The correlations of the Internet addiction between coping and deviant behaviour of students. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2017; 19 (4): 146–168. DOI: 10.17853/1994-5639-2017-4-146-168 (In Russ.)

27. Kim Y. H., Chong Y. S. Parent-child communication, peer-relationship and internet addiction in children. *Journal of the Korean Home Economics Association* [Internet]. 2005 [cited 2020 Jun 17]; 43 (10): 103–114. Available from: <http://www.koreascience.or.kr/article/JAKO200507523271795.page>

28. Soh P. C.-H., Chew K. W., Koay K. Y., Ang P. H. Parents vs peers’ influence on teenagers’ Internet addiction and risky online activities. *Telematics and Informatics*. 2018; 35 (1): 225–236. DOI: 10.1016/j.tele.2017.11.003

29. Serrano-Cinca C., Munoz-Soro J., Brusca I. Multivariate study of Internet use and the Digital Divide. *Social Science Quarterly*. 2018; 99 (4): 1409–1425. DOI: 10.1111/ssqu.12504

30. Yayan E., Dağ Y., Düken M., Ulutaş A. Investigation of relationship between smartphone addiction and internet addiction in working children in industry. *Journal of Human Sciences* [Internet]. 2019 [cited 2020 Jun 17]; 16 (1):

143–154 Available from: <https://www.j-humansciences.com/ojs/index.php/IJHS/article/view/5397>

31. Tserkovnikova N. G., Shchipanova D. Ye., Uskova B. A., Puzyrev V. V., Fedotovskih O. A. Psychological aspects of internet addiction of teenagers. *International Journal of Environmental & Science Education* [Internet]. 2016 [cited 2020 Jun 17]; 11 (16): 8846–8857. Available from: <https://eric.ed.gov/?id=EJ1118946>

Приложение

Таблица коэффициентов ранговой корреляции Спирмена между некоторыми вопросами анкеты и индикаторами

Appendix

Table of Spearman's rank correlation coefficients between questionnaire questions and research indicators

	1	2	4	5	6	7	8.1	8.2	8.3	9	10
1	1										
2	0,239*	1									
4	0,180**	0,323**	1								
5	0,310**	0,310**	0,358**	1							
6	0,087*	-0,180**			1						
7		0,093*			-0,209**	1					
8.1							1				
8.2							0,319**	1			
8.3			-0,119**				0,450**	0,436**	1		
9					-0,142**	0,115**	0,115**		0,129**	1	
10		0,138**			-0,207**	0,396**	0,396**	0,156**			1
11			0,090*			0,107**		0,154**	0,084**	0,141**	0,113**
12	0,216**	0,127**	0,137**	,167**		0,175**	-0,173**	-0,376**	-0,294**	-0,15**	-0,090*
13							0,146**		0,152**		
14	0,248**	0,245**	0,257**	,189**		0,124*			0,235**		

Примечания. Полужирным шрифтом выделены корреляции выше 0,2 по модулю. * – корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя); ** – корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Для удобства чтения таблица приведена к диагональному виду, а незначимые корреляции не показаны.

Расшифровка показателей

(первые столбец и строка таблицы корреляций)

1. Сколько часов в день в среднем проводят Ваши дети в сети Интернет?
2. Считаете ли Вы своих детей интернет-зависимыми?
3. Как Вы считаете, где у Ваших детей больше друзей – в реальной или виртуальной жизни?

4. На какое время Вы могли бы ограничить доступ к Интернету Ваших детей без риска конфликта с ними?
5. Как Вы относитесь к онлайн-активности Ваших детей?
6. Оцените, пожалуйста, степень опасности для детей и молодежи сети Интернет.
 - 6.1. Для работы.
 - 6.2. Для отдыха и общения.
 - 6.3. Для самообразования и обучения.
7. IR1.
8. IR2.
9. Тип населенного пункта.
10. Возраст респондента.
11. Материальное положение.
12. Возраст ребенка.

Информация об авторах:

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор кафедры экономической безопасности, системного анализа и контроля Финансово-экономического института Тюменского государственного университета; ORCID 0000-0002-7764-5566; Тюмень, Россия. E-mail: gr136@mail.ru

Хузяхметов Роман Ренатович – аспирант кафедры общей и экономической социологии Финансово-экономического института Тюменского государственного университета; ORCID 0000-0003-0850-4716; Тюмень, Россия. E-mail: r_o_m_a_n_14@mail.ru

Вклад соавторов. Авторы внесли равный вклад в подготовку статьи.

Статья поступила в редакцию 05.02.2020; принята в печать 10.06.2020. Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Gulnara F. Romashkina – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Department of Economic Security, System Analysis and Control, Institute of Finance and Economics, University of Tyumen; ORCID 0000-0002-7764-5566; Tyumen, Russia. E-mail: gr136@mail.ru

Roman R. Khuziakhmetov – Postgraduate Student, Department of General and Economic Sociology, Institute of Finance and Economics, University of Tyumen; ORCID 0000-0003-0850-4716; Tyumen, Russia. E-mail: r_o_m_a_n_14@mail.ru

Contribution of the authors. The authors made an equal contribution to the preparation of the present article.

Received 05.02.2020; accepted for publication 10.06.2020.
The authors have read and approved the final manuscript.